

УДК 82-144
DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-371-384

**«Другое дело Толстые...»
А. К. Толстой в бунинском опыте исторической рефлексии:
жанровый аспект темы памяти**

Е. Е. Анисимова

*Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия*

Аннотация

Рассматривается восприятие И. А. Буниним личности и произведений А. К. Толстого. Ключевыми слагаемыми рецепции становятся система сформированных А. К. Толстым историософских воззрений и концепция исторической памяти. Принадлежность поэта и романиста XIX в. мифологизированному Буниным роду Толстых выделена как повод для рефлексии и определения младшим писателем собственного положения относительно каждого из трех литераторов – Л. Н. Толстого, А. К. Толстого и бунинского современника А. Н. Толстого. В качестве материала привлечены художественные произведения, публицистика и эго-документы И. А. Бунина и А. К. Толстого.

Ключевые слова

И. А. Бунин, А. К. Толстой, историософия, память, жанр, баллада, юбилейная статья

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-012-00046

Для цитирования

Анисимова Е. Е. «Другое дело Толстые...» А. К. Толстой в бунинском опыте исторической рефлексии: жанровый аспект темы памяти // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 371–384. DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-371-384

**“Tolstoys are Totally Different Matter...”
A. K. Tolstoy in Bunin’s Experience of Historical Reflection:
B. Genre Aspect of the Theme of Memory**

E. E. Anisimova

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Abstract

The article deals with I. A. Bunin’s perception of the personality and works by A. K. Tolstoy. The key components of this reception are the system of philosophy of history views formulated by A. K. Tolstoy and his concept of historical memory. The belonging of the 19th century poet to the large Tolstoy family was mythologized by Bunin and became a reason for understanding and determining the young writer’s own position in relation to each of the three writ-

© Е. Е. Анисимова, 2020

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 2

ers: L. N. Tolstoy, A. K. Tolstoy and Bunin's contemporary A. N. Tolstoy. The paper draws upon fictional and nonfictional documents by I. A. Bunin and A. K. Tolstoy.

Bunin's reception of the personality and artistic heritage by A. K. Tolstoy was determined by the history of his origin. The Tolstoy family attracted Bunin's attention because it was an illustration of his own concept of the literary gift as a "family affair". Leo Tolstoy enjoyed an undisputed genius and generally recognized family reputation. Aleksey N. Tolstoy's biography, on the contrary, was ambiguous – the fact that inspired Bunin's scandalous hints in his essay "The Third Tolstoy". Aleksey K. Tolstoy's biographical path of was also surrounded by similar rumors – but Bunin in his article "Inonia and Kitezsh" prefers to keep silent on them.

In the 1900s, A. K. Tolstoy appeared to Bunin as a rival poet, and in the eyes of Bunin's contemporaries as the one of his main literary predecessors. Bunin's poem "Kurgan" was a kind of poetic response to A. K. Tolstoy's ballad "Kurgan" dedicated to the problem of historical oblivion. These works-doublets could serve as an illustration of one of the types of literary "revision" introduced by H. Bloom. Bunin developed the plot of A. K. Tolstoy's "Kurgan" in the elegiac genre and demonstrated the value of the past in the present. Since 1918, Bunin's perception of Tolstoy's legacy has changed. A. K. Tolstoy's views of the Russian history are publicly emphasized in the "Cursed Days", "Mission of the Russian Emigration" and "Inonia and Kitezsh". According to A. K. Tolstoy, the historical catastrophe for Russia was programmed by "Tatar yoke", which distorted the European character of the national culture and personality and later drove the nation to the particularly Asian, as Tolstoy thought, phenomenon of Ivan the Terrible. Borrowing some modern ideas from the natural sciences, Bunin transferred a number of A. K. Tolstoy's observations into an anthropological sphere and pointed out specific signs of the "Mongolian" traces in Bolsheviks' Russia.

Keywords

I. A. Bunin, A. K. Tolstoy, philosophy of history, memory, genre, ballad, anniversary article

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-012-00046

For citation

Anisimova E. E. "Tolstoys are Totally Different Matter..." A. K. Tolstoy in Bunin's Experience of Historical Reflection: Genre Aspect of the Theme of Memory. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2020, no. 2, p. 371–384. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-371-384

Литература эмиграции знает один любопытный курьез, связанный с именем А. К. Толстого: в юмористическом рассказе В. Набокова «Говорят по-русски» его герой, эмигрант, пленивший в Берлине агента ГПУ и содержавший его под замком в ванной комнате, превращенной в каземат, предлагает своему узнику читать в назидательных целях литературу, сочиненную антибольшевистской. Почетное первое место в ее перечне занимает роман Толстого «Князь Серебряный». Однако то, что Набоковым уже могло подаваться под покровом многослойной иронии, для его старшего коллеги по эмиграции всё еще сохраняло торжественную серьезность. Как известно, Бунин создал настоящий культ А. К. Толстого. Разобраться с некоторыми его механизмами – задача настоящей статьи¹.

Основной тезис нашей работы обусловлен самим фактом заинтересованного – до известной доли манипулятивности – использования Буниным фамилии Толсто-

¹ Плодотворная почва интертекстов разрабатывалась отечественными исследователями. Основные толстовские реминисценции в произведениях Бунина систематизированы в работах Е. Т. Атамановой [1998], А. В. Федорова [2005] и Л. Н. Юрченко [2005].

го, в семантическом ореоле которой представала литературная триада, состоящая из великого романиста, его поэта-современника и писателя XX столетия, «советского графа». Действительно, род Толстых не мог не привлечь внимания Бунина, поскольку являлся иллюстрацией его собственной концепции литературного дара как «дела семейного». Льву Толстому А. К. Толстой приходился троюродным братом, Жемчужниковы, соавторы Алексея Константиновича по созданию сочинений Козьмы Пруtkова, были ему братьями двоюродными, а А. А. Перовский, более известный в литературе по псевдониму «Антоний Погорельский», – дядей. В дальнем родстве автор «Князя Серебряного» был также с Ф. И. Тютчевым [Кощелев, 1995, с. 27–28].

Истории было угодно самой расставить акценты в биографической комбинации Толстых, наделив Льва Николаевича как бесспорной гениальностью, так и общепризнанной фамильной репутацией. Для Бунина эти факты послужили основанием для почти обожествления создателя «Войны и мира» и «Анны Карениной». Происхождение Алексея Николаевича было неоднозначным и под пером самого Бунина сделалось поводом для скандальных эскапад и многозначительных намеков в очерке «Третий Толстой»², риторика которого расширительно относилась к «незаконным», на взгляд Бунина, притязаниям новой большевистской культуры в принципе³. Вместе с тем биографический путь Алексея Константиновича был также окружен подобными слухами, причем не просто о незаконном, а о кровосмесительном происхождении.

На фоне громких выпадов против «ненастоящего» «третьего» Толстого примечательно бунинское стремление аккуратно обойти аналогичные толки, связанные с Алексеем Константиновичем. Между тем они живо циркулировали в литературной среде второй половины XIX – начала XX в., прорываясь на страницы даже солидных изданий. Согласно этим выплеснувшимся в 1890–1910-е гг. в печать сплетням, автор «Князя Серебряного» был сыном своего родного дяди, А. А. Перовского, а не графа К. П. Толстого. Сразу в нескольких мемуарах и литературно-критических статьях рубежа веков прямо или косвенно говорилось о возможном отцовстве Перовского. Авторами этих материалов были дядя писателя Ф. П. Толстой, хроникеры литературной жизни В. П. Бурнашев и Ф. Ф. Фидлер, философ В. В. Розанов, писатель и переводчик П. П. Гнедич [Рейтблат, 1993, с. 170; Котельников, 2016, с. 16–18], подписывавший свои опусы о сомнительном происхождении А. К. Толстого сразу двумя именами – собственным и псевдонимом «А. Никитин» [Масанов, 1957, с. 266] и др. В 1911 г. болезненную реакцию потомков писателя вызвала публикация П. П. Гнедича, внучатого племянника знаменитого переводчика «Илиады», который сослался в этом вопросе на авторитетное мнение И. А. Гончарова и привел целую подборку аргументов в пользу незаконнорожденности поэта [Гнедич, 2000, с. 170–171]. В ответ сразу же последовало опровержение со стороны родственника по линии Перовских, М. Жемчужникова, который нашел фактографические ошибки в спекуляциях Гнедича [Жемчужников, 1911], однако не избежал собственных. Например, он указал, что

² О мотиве «блудного рождения» и произрастающей из него риторике, актуальной как для русской агиографии, так и литературы XX в., см.: [Васильев, 2009, с. 16–29].

³ О структурном и семантическом противопоставлении «первого» Толстого «третьему» на страницах бунинских «Воспоминаний» см.: [Анисимов, 2011, с. 153–154].

бездетным был не только писатель, но и состоявшая в двух браках его жена, забыв при этом о ее внебрачной дочери. О серьезности ведущейся шумной дискуссии свидетельствует и тот факт, что в начале XX столетия французский филолог А. Лирондель предпринял разыскания документальных свидетельств о рождении поэта и посвятил анализу аргументов за и против несколько страниц своей монографии [Lirondelle, 1912, p. 6–8].

Принимая во внимание все эти обстоятельства, трудно представить, что до Бунина не дошло эхо баталий о происхождении «второго» Толстого. Вероятно, именно по этой причине в «Инонии и Китеже» биографическая справка о поэте им была дана обтекаемо и без упоминаний о его официальном отце – графе К. П. Толстом. Безотносительно к тому, знал Бунин об этих известиях или нет (трудно предположить, что не знал), само умолчание в данном пункте показательно, особенно с учетом того, что впоследствии в этом же «недосмотре» он обвинил советских биографов «третьего» Толстого:

«Инония и Китеж»

«Рос и воспитывался Толстой у дяди по матери, у Перовского, в медвежьей Черниговщине, но уже восьми лет, через поэта Жуковского, был представлен своему ровеснику, будущему императору Александру II, с которым и остался в большой близости и дружбе на всю жизнь. Так же противоположно пошло и дальше: то черниговская глушь, то Петербург и Европа – отрочество Толстой почти сплошь провел в заграничных путешествиях с матерью и дядей, горячим поклонником Запада и западного искусства»

[Бунин, 1990, с. 366].

«Третий Толстой»

«Был ли он действительно графом Толстым? Большевики народ хитрый, они дают сведения о его родословной двусмысленно, неопределенно, – например, так:

“А.Н. Толстой родился в 1883 году, в бывшей Самарской губернии, и детство провел в небольшом имении второго мужа его матери, Алексея Бострома, который был образованным человеком и материалистом...”

Тут без хитрости сказано только одно: “родился в 1883 году, в бывшей Самарской губернии...” Но где именно? В имении графа Николая Толстого или Бострома? <...> Полным молчанием обходится всегда граф Николай Толстой, так, точно он и не существовал на свете»

[Бунин, 1990, с. 290].

Зная об особенностях житнетворческого мифа самого Бунина, можно предположить, что история происхождения определит всю логику рецептивного усвоения личности Алексея Константиновича Толстого. В продолжительной истории этого восприятия можно выделить несколько этапов.

1. Многочисленные заметки в эго-документах Буниных свидетельствуют о том, что писатель на протяжении всей жизни перечитывал произведения, дневники и письма А. К. Толстого: «Ян всё время читает А. К. Толстого» [Устами Буниных..., 1977, т. 1, с. 205], «Пересматриваю опять письма и дневники А. К. Толстого. Соверш[енно] очароват[ельный] человек!», «Перечитывал стихи А. К. Толстого – многое удивительно хорошо, – и свои “Избр[анные] стихи”. Не постигаю, как они могли быть не оценены!» [Там же, 1982, т. 3, с. 43, 151]. Первые упоминания об А. К. Толстом в эго-документах писателя относятся к 1890-м гг. и, главным образом, фиксируют включенность имени и творчества

старшего поэта в домашний и литературный обиход его молодого преемника. Например, из бунинской переписки мы узнаем, что его возлюбленная В. В. Пашенко исполняла романсы на стихи А. К. Толстого, которые он характеризовал как «что-то неизъяснимо милое и поэтичное» [Бунин, 2003, с. 40]. В 1898 г. Бунин посетил премьеру Московского художественного театра – постановку пьесы «Царь Федор Иоаннович», о которой у него остались положительные воспоминания [Бунин, 1998, с. 428–429], хотя, как известно, писатель в высказываниях о драматическом искусстве всегда был скептически-сдержан.

В 1900-е гг. А. К. Толстой самому Бунину представляется поэтическим соперником, а современникам – одним из его главных литературных предшественников. 7 июля 1901 г. в письме М. П. Чеховой писатель признается в полушутливой форме: «Хочется мне Толстого <Алексея Константиновича. – Е. А.> за пояс заткнуть да и только!» [Бунин, 2003, с. 382]. Здесь Бунин, вероятно, имел в виду созданный в толстовском ключе и вскоре опубликованный поэтический цикл «В степи» (1901). Особенно примечательно вошедшее в его состав стихотворение «Курган», явившееся своего рода поэтическим ответом на одноименную балладу А. К. Толстого. Эти произведения-дублиеты могли бы послужить иллюстрацией одного из типов литературной «ревизии» Х. Блума – когда новый поэт исходит «из предположения, что до определенного пункта стихотворение предшественника шло верным путем, но затем ему следовало бы отклониться как раз в том направлении, в котором движется новое стихотворение» [Блум, 1998, с. 18]. В ходе «переписывания» толстовского «Кургана» Бунин не только направил сюжет о могиле старинного воина в новое русло, но и поместил его в иные жанровые координаты. В толстовской балладе знаменитый богатырь оказывается обманутым певцами, которые «ему славу сулили, / На гусях гремя золотых», но потом предали его забвению:

Безмолвен курган одинокий,
Наездник державный забыт,
И тризны в пустыне широкой
Никто уж ему не свершит
[Толстой, 2016, т. 1, с. 262–263].

В неопубликованном автографе «Кургана» сюжет имел продолжение, от которого впоследствии А. К. Толстой отказался: каждую ночь забытый мертвец появлялся возле своей могилы и, словно протестуя против природы, победившей память о нём, взывал к забывшим его сказителям:

Сидит и вздыхает глубоко:
«Где слава, где слава моя?
Минувшие веки далеко,
Отторгнут от прошлого я!»
[Толстой, 2016, т. 2, с. 794]

Бунин развил этот же сюжет в элегическом ключе, продемонстрировав ценность прошлого в настоящем. Его герой, тоже прославленный древний воин, прах которого покоится под степным курганом, напротив, остался в народной памяти:

Прошли века, но слава древней были
Жила в веках... Нет смерти для того,

Кто жизнь любил, и песни сохранили
Далекое наследие его
[Бунин, 2014, с. 232].

В «Кургане» А. К. Толстого культурное начало противопоставлено природному, и в финале первое полностью поглощается вторым. Образы витязя, его дружины, жрецов и певцов с «гуслиями золотыми» вытесняются в балладе степным ландшафтом и его «вечными» обитателями – сайгаком, саранчой, журавлиной стаей, безмолвным всадником и тушканчиком. «Курган» стал одним из первых произведений поэта, в котором он попытался концептуализировать свою мысль о несправедливом забвении «норманнского» периода русской истории под влиянием следующего за ним – ордынского. Импульсом к этим размышлениям стали не только активно изучаемые им труды по историографии, но и реальные впечатления от знакомых ему с детства курганных могильников юга России и поездок по Оренбургской губернии, где он познакомился с деталями кочевого образа жизни и степной природы [Новиков, 2011, с. 57–58, 63]. В жанре «записок охотника» это противопоставление было намечено А. К. Толстым в очерке «Два дня в Киргизской степи» (1842).

Бунин в своем «Кургане» снял эту антитезу, открыв элегию природными образами, которым герой, напротив, сопричастен: «Любил он ночи темные в шатре, / Степных кобыл залихватое ржанье, / И перед битвой волчье завыванье, / И коршунов на сумрачном бугре» [Бунин, 2014, с. 231]. В итоге тезис, на котором А. К. Толстой завершил свой текст, у Бунина был продолжен антитезисом, утверждающим постоянство культурной памяти:

«Курган» А. К. Толстого

А *слезы* прольют разве *тучи*,
Над степью плывя в небесах,
Да *ветер* лишь светит летучий
С *кургана* забытого прах
[Толстой, 2016, т. 1, с. 264].

«Курган» И. А. Бунина

Стрелю скиф насквозь его пробил,
И там, где смерть ему закрыла очи,
Восстал *курган* – и темный *ветер* ночи
Дождем холодным *слез* его кропил.
Прошли века, но слава древней были
Жила в веках... <...>
[Бунин, 2014, с. 231–232].

«Жажда жизни», наполняющая все поступки и чувства бунинского героя, оказывается залогом вечной памяти о нем в песнях, которые «<...> жизни, отошедшей в мир преданий, / Свой братский зов и голос подают» [Бунин, 2014, с. 232]. Другая толстовская аллюзия в бунинском «Кургане» отсылает читателя к титульному стихотворению поэта «Колокольчики мои...» (ср. «Или злой киргиз-кайсак, / С бритой головою, / Молча свой натянет лук, / Лежа под травой, / И меня догонит вдруг / Медною стрелю?» – «Стрелю скиф насквозь его пробил» [Толстой, 2016, т. 1, с. 299–300; Бунин, 2014, с. 231]).

Неудивительно, что этот и другие примеры «дописывания» текстов классиков способствовали тому, что творчество Бунина-лирика в это время воспринималось в свете традиций XIX в. Так, в 1909 г. в связи с избранием Бунина академиком сразу несколько литераторов связали его творчество с поэтическим влиянием А. К. Толстого. В. Я. Брюсов обратился к писателю следующим образом: «В своих стихах, безукоризненных по форме, Вы явились достойным преемником тита-

нов русской поэзии – Пушкина, Лермонтова, Алексея Толстого, Тютчева» [Бунин, 2007, с. 635]. А. А. Измайлов в статье по поводу торжества отметил: «Поручителями за поэта И. А. Бунина, сопричисленного вчера к лику академиков, перед жрецами нашего института бессмертия, несомненно, были в первую голову Тургенев, Тютчев и Чехов. Свое слово сказали, конечно, и Фет, и А. Толстой, и Случевский» [Там же, с. 533]. Показательно, что при общем несовпадении статусов названных имен, традиций и школ, с которыми они ассоциировались, А. К. Толстой оказывается сразу в двух списках потенциальных предшественников новоизбранного «академика».

В целом относящиеся к дореволюционному времени отзывы Бунина об А. К. Толстом не выходят за пределы чисто литературных влияний, их усвоения и осмысления.

2. Начиная с 1918 г. ракурс и характер восприятия Буниным наследия предшественника кардинально меняются. Взгляды А. К. Толстого на русскую историю впервые публично актуализируются в «Окаянных днях» (1918–1920): «А. К. Толстой когда-то писал: “Когда я вспомню о красоте нашей истории до проклятых монголов, мне хочется броситься на землю и кататься от отчаяния”. В русской литературе еще вчера были Пушкины, Толстые, а теперь почти одни “проклятые монголы”»⁴ [Бунин, 1990, с. 110]. К 1918 г. относятся и первые дневниковые записи Буниных об А. К. Толстом, свидетельствующие об активном перечитывании его произведений и участии в литературных спорах, в которых Бунин всегда выступает в его защиту [Устами Буниных..., 1977, т. 1, с. 205].

Ключевым вектором рецепции «второго» Толстого в это время стала развиваемая последним концепция исторической памяти, последовательно высказанная как в эпистолярной, так и в творчестве – исторических балладах, драмах и романе «Князь Серебряный». По воспоминаниям современников, с юности А. К. Толстого отличали две черты – богатырская сила и необыкновенная память [Жуков, 1982, с. 72]. Будущий писатель легко гнул руками подковы и воспроизводил без единой ошибки целые страницы прочитанного текста. Обе эти персональные черты получили творческую обработку в его произведениях. Героями в них становятся наделенные особыми физическими свойствами и противостоящие азиатскому деспотизму русские богатыри, описанные, однако, не в традиционном героическом модусе былины, а в трагическом модусе баллады. Остро вставший в преддверии Великих реформ вопрос о происхождении и дальнейшем историческом пути России решался А. К. Толстым словно «мимо» в очередной раз обострившихся в это время споров западников и славянофилов о роли Петра I в национальной истории. Своего рода Золотым веком, согласно концепции писателя, оказывалась не допетровская, а домонгольская Русь, культура которой, по его мнению, носила абсолютно европейский характер. Исторической катастрофой в русле этих построений предстало «иго татарское», исказившее европейский характер национальной культуры и личности и приведшее в перспективе к азиатскому по своей природе феномену Ивана Грозного.

Главным источником конкретных сюжетов национальной истории и понимания ее закономерностей стала для А. К. Толстого «История государства Российского» Н. М. Карамзина. Но если для современников писателя была очевидна

⁴ О развитии монгольского мифа в русской литературе XX в. см.: [Мароши, 2003].

идейная и фактографическая преемственность толстовских баллад по отношению к труду историографа, то в начале XX в. художественное освоение этой исторической концепции воспринималось уже безотносительно к карамзинскому наследию. Типовой в произведениях А. К. Толстого конфликт русского богатыря-«европейца» и деспота-«азиата» моделировал две противоборствующие в национальной исторической памяти силы. Именно эту концепцию в XX в. переосмыслил и развил Бунин, рефлексировавший в своих программных произведениях причины революции как трагического пресечения истории старой России.

Увлекающийся современными концепциями естествознания, Бунин перевел некоторые наблюдения А. К. Толстого в антропологическую плоскость и отметил конкретные физиологические признаки «монгольского» наследия:

Бог шельму метит. Еще в древности была всеобщая ненависть к рыжим, скуластым. Сократ видеть не мог бледных. А современная уголовная антропология установила: у огромного количества так называемых «прирожденных преступников» – бледные лица, большие скулы, грубая нижняя челюсть, глубоко сидящие глаза.

Как не вспомнить после этого Ленина и тысячи прочих? ⁵ <...>

А сколько лиц бледных, скуластых, с разительно асимметрическими чертами среди этих красноармейцев и вообще среди русского простонародья, – сколько их, этих атавистических особей, круто замешанных на монгольском атавизме! Весь, Муром, Чудь белоглазая... И как раз именно из них, из этих самых русичей, издревле славных своей антисоциальностью, давших столько «удалых разбойничков», столько бродяг, бегунов, а потом хитровцев, босяков, как раз из них и вербовали мы красу, гордость и надежду русской социальной революции. Что ж удивиться результатам? [Бунин, 1990, с. 163].

Если до революции мы имели дело с А. К. Толстым, прочно занявшим свое «привычное» место в эстетической картине мира младшего поэта и там немного «автоматизированным», то в 1918 г. Бунин обратился к идеологической и поэтической программе предшественника гораздо более заинтересованно, явно *зачем-то*. Так, в финале другого программного публицистического текста писателя – «Миссии русской эмиграции» (1924) – его автор вышел на следующий уровень обобщения:

Говорили – скорбно и трогательно – говорили на древней Руси: «Подождем, православные, когда Бог переменит орду».

Давайте подождем и мы. Подождем соглашаться на новый «похабный» мир с нынешней ордой [Бунин, 1990, с. 356].

Важно отметить, что бунинская картина мира не упрощалась до средневековой антитезы «святой – грешник», в которой эмигранты представляли бы европейцами, а революционеры – «монголами». В размышлениях и А. К. Толстого, и Бунина, азиатские черты приписывались любому русскому человеку, но в ком-то они начинали преобладать, а в ком-то всё-таки побеждало европейское начало. Так, в дневнике от 6 апреля 1922 г. Бунин записал: «Вечер Куприна. Что-то нелепое, глубоко провинциальное, какой-то дивертисмент, в пользу застрявшего в Кременчуге старого актера. <...> *Меня поразил хор, глаз отвык от России* (курсив наш. – Е. А.); ещё раз с ужасом убедился, какая мы Азия, какие монголы!»

⁵ Позднее в некрологе М. Горькому он отметит ту же физиогномическую особенность: «Скулы у него выдавались совсем по-татарски» [Бунин, 1998, с. 412].

[Устами Буниных..., 1981, т. 2, с. 84]. Дуализм европейского и азиатского в России, как мы видим, ощущается писателем в жанровой перспективе баллады, поэтика которой связана с визуальностью. Как в классических балладах, в которых один герой внимательно всматривается, а другой – внезапно появляется (вспомним здесь хрестоматийные «Светлану» и «Лесного царя» В. А. Жуковского с характерным вглядыванием персонажей в зеркало и сумрачный лес), Бунин не *вслушивается* в хор, а *рассматривает* его. Как мы увидим далее, в ходе разбора толстовских баллад писатель будет акцентировать именно визуальное начало, одновременно значимое и для поэтики жанра, и для актуальных в первой половине XX в. антропологических и расовых теорий.

Наиболее последовательно Бунин выразил свое отношение к А. К. Толстому в юбилейной статье к 50-летию со дня смерти писателя «Инония и Китеж» (1925). В ней впервые появилась цитата из письма поэта, вошедшая впоследствии в «Жизнь Арсеньева» и до настоящего времени считавшаяся главным рецептивным бунинским актом в отношении «второго» Толстого. Однако если в романе высказывание А. К. Толстого будет дано слово в слово, то в статье Бунин воспроизвел его по памяти, с неточностями, как, впрочем, и некоторые другие источники (например, статью Вл. Соловьева). Публицист значительно сократил оригинал, убрав все фразы, напрямую связанные с адресатом письма, и, кроме того, перепутал топоним, назвав рыцарский замок Вартбург, о котором шла речь у А. К. Толстого, «Витбургом»:

«Инония и Китеж»

«Или из другого письма к жене: “Как в Витбурге хорошо! Даже есть инструменты миннезингеров двенадцатого века. И у меня забилося и запрыгало сердце в этом рыцарском месте, и я знаю, что прежде я к нему принадлежал”» [Бунин, 1990, с. 371].

«Жизнь Арсеньева»

«В письмах А. К. Толстого есть такие строки: “Как в Вартбурге хорошо! Там даже есть инструменты XII века. И как у тебя бьется сердце в азиатском мире, так у меня забилося сердце в этом рыцарском мире, и я знаю, что я прежде к нему принадлежал”. Думаю, что и я когда-то принадлежал. Я посетил на своем веку много самых славных замков Европы и, бродя по ним, не раз дивился: как мог я, будучи ребенком, мало чем отличавшимся от любого мальчишки из Выселок, как я мог, глядя на книжные картинки и слушая полоумного скитальца, курившего махорку, так верно чувствовать древнюю жизнь этих замков, и так точно рисовать себе их? Да, и я когда-то к этому миру принадлежал» (курсив И. А. Бунина. – Е. А.)

[Бунин, 1987–1988, т. 5, с. 31–32].

Статья «Инония и Китеж» включена в контекст бунинской публицистики конца 1910–1920-х гг. и является частью долгой дискуссии о советской культуре и литературе, в частности о С. Есенине [Николаев, 2015]. Актуализация имени А. К. Толстого в текстах Бунина не только являлась данью памяти русскому классику, но и была ответом на вызовы современности. Главный нерв толстовского творчества – трагическое противостояние европейского и азиатского в национальной истории и картине мира – точно отражен в названии и структуре юбилейной статьи. Этот конфликт Бунин переосмысливает, не только дополняя на-

блюдениями современной антропологии, но и включая в контекст собственной философии памяти. Азиатское начало оказывается в русле этих размышлений лишенным памяти, европейское, напротив, подчеркнуто меморативным:

Что есть у какого-нибудь Есенина, Ивана Непомнящего? Только дикарская страсть к хвастовству да умение плевать. И плевать ему легко: это истинный Иван Непомнящий. В степи, где нет культуры, нет сложного и прочного быта, а есть только бродячая кибитка, время и бытие точно проваливаются куда-то, и памяти, воспоминаний почти нет. Другое дело Толстые. Как замечательны слова Толстого о той боли, с которой он старался «вспомнить» что-то после обморока! О, Толстым есть что вспомнить!⁶ А воспоминание, – употребляю это слово, конечно, не в будничном смысле, – живущее в крови, тайно связующее нас с десятками и сотнями поколений наших отцов, живших, а не только существовавших, воспоминание это, религиозно звучащее во всем нашем существе, и есть поэзия <...> [Бунин, 1990, с. 369].

В статье Бунин говорил о Толстых собирательно, подчеркивая фамильную и родовую близость двух старших классиков: «в противовес России прежней, России Толстых», «есть два непримиримых мира: Толстые, сыны “святой Руси” <...> – и “рожи”», «Будем же крепко помнить о Толстых среди “монгольского” засилия и наваждения!», «И след ли Иванам бахвалиться рядом <...> с такими русскими, как Толстые?» [Там же, с. 360, 365, 366]. Обычно пребывавший в тени своего великого родственника, А. К. Толстой тем самым словно напитывался харизмой создателя «Войны и мира», а сам Л. Н. Толстой «удваивался» благодаря писателю-однофамильцу, а в глазах Бунина – летописца «окаянных дней», еще и единомышленнику. Имя Толстых стало для Бунина полемическим инструментом в его публицистике и символом «прежней России».

Аргументация исторической памяти в статье выстраивалась главным образом на материале личных документов и баллад А. К. Толстого – от детального разбора «Змея Тугарина» к обильному цитированию «Потока-богатыря», «Ильи Муромца» и «потрясающей» баллады «Волки». Ключевой концепт бунинской публицистической статьи – «рожа» – был взят им из баллады «Змей Тугарин», цитатой из которой писатель открыл свои размышления о России Толстых и России большевиков:

Вот я развернул книгу и читаю:

Глаза словно щели, растянутый рот,
Лицо на лицо не похоже,
И выдались скулы углами вперед –
И ахнул от ужаса русский народ:
Ай рожа, ай страшная рожа!
[Бунин, 1990, с. 359.]

⁶ В «Освобождении Толстого», говоря уже о Льве Николаевиче, Бунин формулирует это следующим образом: «Некоторый род людей обладает способностью особенно сильно чувствовать не только свое время, но и чужое, прошлое, не только свою страну, свое племя, но и другие, чужие, не только самого себя, но и ближнего своего, то есть, как принято говорить, “способностью перевоплощаться” и особенно живой и особенно образной (чувственной) “памятью”» [Бунин, 1987–1988, т. 6, с. 40].

Как мы видим, в новых жанровых координатах традиционный былинный персонаж Тугарин-змей стал играть роль балладного мертвеца, внушающего страх своим внезапным появлением и нечеловеческим видом. Но если в романтической балладе внешними признаками героя, пришедшего из потустороннего мира, были обязательные мертвенность, бледность, унылость, зловещий взгляд, то в «исторической балладе» А. К. Толстого и в ее «бунинской» рецептивной версии на первый план выдвигается визуально чуждое европейцу «монгольское» расовое начало.

Баллада как жанр, фокусирующийся на вопросах происхождения и легитимности и восходящий к архаическим дискурсам тревоги, в статье Бунина оказывается своего рода «формой времени». Балладные сюжеты о нелегитимном вторжении в установившийся миропорядок точно иллюстрируют позицию Бунина-публициста, а «монголо-татарская» образность текстов А. К. Толстого позволяет ему риторически совместить поэтическую и историческую линии.

3. Персонажи и произведения, названные в статье «Инония и Китеж», составили ресурс толстовских интертекстов поздней прозы «последнего русского классика». Так, Иоанн Дамаскин из одноименной поэмы обнаруживается в «Чистом понедельник», «Илья Муромец» – в «Зойке и Валерии», а восхитившие писателя «Волки» «переписаны» им в «Балладе» о Господнем волке. В «Жизнь Арсеньева» Бунин, как уже говорилось, внедрил фрагмент толстовской переписки о чувстве принадлежности рыцарскому миру⁷.

Если для Бунина-публициста А. К. Толстой явился одной из самых заметных фигур русской литературы XIX в., то в позднейшем наследии лидера русской эмиграции он, скорее, растворился в художественной ткани произведений, которые были прямо или опосредованно связаны с вопросами исторической памяти и наследственности. Как известно благодаря работе Л. К. Долгополова, «законченная историческая концепция» Бунина, которая заключалась в том, что «Россия <...> представляет собой странное, но явное сочетание двух пластов, двух культурных укладов – “западного” и “восточного”, европейского и азиатского», нашла законченное выражение в позднем шедевре – рассказе «Чистый понедельник» (1944) [Долгополов, 1985, с. 324]. Очевидно, что одним из источников исторической рефлексии писателя стали эго-документы и творчество А. К. Толстого.

Подводя итоги сказанному, отметим, что восприятие личности и творчества А. К. Толстого преодолело в сознании Бунина путь от «автоматизированной» традиции классика и поэтического соперничества в «Кургане» до использования и переосмысления его исторической концепции в пореволюционное время. Как показывает обращение к текстам автора «Окаянных дней», предложенное А. К. Толстым еще в 1840-е гг. оригинальное осмысление национальной истории позволило Бунину выработать несколько ключевых риторических и поэтических приемов в публицистике и прозе периода эмиграции. Лейтмотивом этих размышлений стал вопрос о происхождении, рассмотренный Буниным в биографических, историко-софских и эстетических координатах.

⁷ В монографии Б. В. Аверина эта меморативная модель, используемая писателем не только в романе, но и в «Тёмных аллеях», получила наименование «воспоминания-узнавания» [Аверин, 2003, с. 190–194].

Список литературы

- Аверин Б. В.* Дар Мнемозины: романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб., 2003. 399 с.
- Анисимов К. В.* Книга И. А. Бунина «Воспоминания» как цикл: опыт реконструкции автобиографического сюжета // Критика и семиотика. 2011. № 15. С. 143–163.
- Атаманова Е. Т.* Русская литература XIX века в контексте художественной прозы И. А. Бунина: проблема реминисценций: Дис. ... канд. филол. наук. Елец, 1998. 246 с.
- Блум Х.* Страх влияния. Карта перечитывания. Екатеринбург, 1998. 352 с.
- Бунин И. А.* Стихотворения: В 2 т. СПб., 2014. 541 с. Т. 1.
- Бунин И. А.* Письма 1905–1919 годов / Под ред. О. Н. Михайлова. М., 2007. 829 с.
- Бунин И. А.* Письма 1885–1904 годов / Под ред. О. Н. Михайлова. М., 2003. 768 с.
- Бунин И. А.* Публицистика 1918–1953 годов / Под ред. О. Н. Михайлова, М., 1998. 640 с.
- Бунин И. А.* Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990. 416 с.
- Бунин И. А.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1987–1988.
- Васильев В. К.* Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков (Архетипы русской культуры). От Средневековья к Новому времени. Красноярск, 2009. 260 с.
- Гнедич П. П.* Книга жизни. Воспоминания. 1855–1918. М., 2000. 368 с.
- Долгополов Л. К.* На рубеже веков. О русской литературе конца XIX – начала XX в. Л., 1985. 352 с.
- Жемчужников М.* Легенда о происхождении графа Алексей Константиновича Толстого // Иллюстрированное приложение к газете «Новое время». 1911. № 12820, 19 нояб. (2 дек.). С. 6–7.
- Жуков Д. А.* Алексей Константинович Толстой. М., 1982. 383 с.
- Котельников В. А.* Алексей Константинович Толстой в жизни и в литературе // Толстой А. К. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. СПб., 2016. Т. 2. С. 7–172.
- Кошелев В. А.* Мудрость неуместного: Жизнь и творчество А. К. Толстого // Литература в школе. 1995. № 1. С. 26–34.
- Мароши В. В.* Монгольский миф в русской литературе XX века // Вестник Том. гос. пед. ун-та. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2003. Вып. 1 (33). С. 48–54.
- Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1957. Т. 2. 388 с.
- Николаев Д. Д.* Парижское «Возрождение» 1920-х гг. о Сергее Есенине. Часть первая: от Бунина к Ходасевичу (1925–1926) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2015. С. 20–38.
- Новиков В. И.* Алексей Константинович Толстой. М., 2011. 289 с.
- Рейтблат А. И.* Летописец слухов (Неопубликованные воспоминания В. П. Бурнашева) // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 162–174.
- Толстой А. К.* Полн. собр. стихотворений: В 2 т. СПб., 2016.
- Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне, 1977–1982.

Федоров А. В. Личность и творчество А. К. Толстого в восприятии И. А. Бунина // Творческое наследие И. А. Бунина: традиции и новаторство. Орел, 2005. С. 33–36.

Юрченко Л. Н. И. А. Бунин в свете эстетических традиций А. К. Толстого и К. Н. Леонтьева // Творческое наследие И. А. Бунина: традиции и новаторство. Орел, 2005. С. 30–33.

Lirondelle A. Le poète Alexis Tolstoï, l'homme et l'oeuvre. Paris, 1912, 677 p.

References

Anisimov K. V. Kniga I. A. Bunina “Vospominaniya” kak tsikl: opyt rekonstruktsii avtobiograficheskogo syuzheta. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2011, no. 15, p. 143–163. (in Russ.)

Atamanova E. T. Russkaya literatura XIX veka v kontekste khudozhestvennoy prozy I. A. Bunina: problema reministsentsiy [Russian literature of the 19th century in the context of I. A. Bunin's fiction: the problem of reminiscences]. Cand. Philol. Sci. Diss. Elets, 1998, 246 p. (in Russ.)

Averin B. V. Dar Mnemoziny: romany Nabokova v kontekste russkoy avtobiograficheskoy traditsii [The gift of Mnemosyne: Nabokov's novels in the context of the Russian autobiographical tradition]. St. Petersburg, 2003, 399 p. (in Russ.)

Bloom H. Strakh vliyaniya. Karta perechityvaniya [The Anxiety of Influence. A Map of Misreading]. Ekaterinburg, 1998, 352 p. (in Russ.)

Bunin I. A. Poems. In 2 vols. St. Petersburg, 2014, vol. 1, 541 p. (in Russ.)

Bunin I. A. Pis'ma 1905–1919 godov [Letters from 1905–1919]. Ed. by O. N. Mikhaylov. Moscow, 2007, 829 p. (in Russ.)

Bunin I. A. Pis'ma 1885–1904 godov [Letters from 1885–1904]. Ed. by O. N. Mikhaylov. Moscow, 2003, 768 p. (in Russ.)

Bunin I. A. Publitsistika 1918–1953 godov [Journalism of 1918–1953]. Ed. by O. N. Mikhaylov. Moscow, 1998, 640 p. (in Russ.)

Bunin I. A. Okayannye dni. Vospominaniya. Stat'i [Cursed days. Memories. Articles]. Moscow, 1990, 416 p. (in Russ.)

Bunin I. A. Collected works. In 6 vols. Moscow, 1987–1988. (in Russ.)

Dolgoplov L. K. Na rubezhe vekov. O russkoy literature kontsa XIX – nachala XX v. [At the turn of the century. About Russian literature of the late 19th – early 20th century]. Leningrad, 1985, 352 p.

Fedorov A. V. Lichnost' i tvorchestvo A. K. Tolstogo v vospriyatii I. A. Bunina. In: Tvorcheskoe nasledie I. A. Bunina: traditsii i novatorstvo [I. A. Bunin's creative heritage: traditions and innovation]. Oryol, 2005, p. 33–36. (in Russ.)

Gnedich P. P. Kniga zhizni. Vospominaniya. 1855–1918 [Book of life. Memories. 1855–1918]. Moscow, 2000, 368 p. (in Russ.)

Koshelev V. A. Mudrost' neumestnogo: Zhizn' i tvorchestvo A. K. Tolstogo. *Literatura v shkole* [Literature at school], 1995, no. 1, p. 26–34. (in Russ.)

Kotelnikov V. A. Aleksey Konstantinovich Tolstoy v zhizni i v literature. In: Tolstoy A. K. Complete collection of poems. In 2 vols. St. Petersburg, 2016, vol. 2, p. 7–172. (in Russ.)

Lirondelle A. Le poète Alexis Tolstoï, l'homme et l'oeuvre. Paris, 1912, 677 p.

Maroshi V. V. Mongol'skiy mif v russkoy literature XX veka. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2003, iss. 1 (33), p. 48–54. (in Russ.)

Masanov I. F. Slovar' psevdonimov russkikh pisateley, uchenykh i obshchestvennykh deyateley [Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures]. In 4 vols. Moscow, 1957, vol. 2, 388 p. (in Russ.)

Nikolaev D. D. Parizhskoe "Vozrozhdenie" 1920-kh gg. o Sergee Esenine. Chast' pervaya: ot Bunina k Khodasevichu (1925–1926). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2015, p. 20–38. (in Russ.)

Novikov V. I. Aleksey Konstantinovich Tolstoy. Moscow, 2011, 289 p. (in Russ.)

Reytblat A. I. Letopisets slukhov (Neopublikovannye vospominaniya V. P. Burnasheva). *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1993, no. 4, p. 162–174. (in Russ.)

Tolstoy A. K. Complete collection of poems. In 2 vols. St. Petersburg, 2016. (in Russ.)

Ustami Buninykh [Through The Bunins]. Dnevniky Ivana Alekseevicha i very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy. In 3 vols. Ed. by M. Grin. Frankfurt am Main, 1977–1982. (in Russ.)

Vasiliev V. K. Syuzhetnaya tipologiya russkoy literatury XI–XX vekov (Arkhetipy russkoy kul'tury). Ot Srednevekoviya k Novomu vremeni [Russian Russian literature plot typology of the 11th – 20th centuries (Archetypes of Russian culture). From the Middle ages to Modern times]. Krasnoyarsk, 2009, 260 p. (in Russ.)

Yurchenko L. N. I. A. Bunin v svete esteticheskikh traditsiy A. K. Tolstogo i K. N. Leontieva. In: Tvorcheskoe nasledie I. A. Bunina: traditsii i novatorstvo [I. A. Bunin's creative heritage: traditions and innovation]. Oryol, 2005, p. 30–33. (in Russ.)

Zhemchuzhnikov M. Legenda o proiskhozhdenii grafa Aleksey Konstantinovicha Tolstogo. Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete "Novoe vremya" [Illustrated Supplement to the newspaper "Novoe Vremya"], 1911, no. 12820, 19 Nov. (2 Dec.), p. 6–7. (in Russ.)

Zhukov D. A. Aleksey Konstantinovich Tolstoy. Moscow, 1982, 383 p. (in Russ.)

Сведения об авторе

Анисимова Евгения Евгеньевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и литературоведения Института филологии и языковой коммуникации ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Россия)

eva1393@mail.ru

ORCID 0000-0002-7324-9355

Information about the Author

Evgeniya E. Anisimova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, Department of Journalism and Literary Studies, Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

eva1393@mail.ru

ORCID 0000-0002-7324-9355